

Беллатрикс втоптали в тронный зал и бросили на пол к ногам самопровозглашенного Лорда Волдеморта.

"Мягко, мои соратники, мягко; давайте послушаем, что Беллатрикс скажет сама. Давайте послушаем, почему она несла портключ в единственное место в этих стенах, где такое приспособление могло бы сработать".

Беллатрикс поднялась на колени, но даже в таком подневольном положении выглядела царственно.

"Я опасаюсь за план, милорд; здесь слишком много дикой магии, и я знаю, что если я останусь здесь, то план будет сорван". Сказав это, она многозначительно посмотрела на змееподобную фигуру. "Я не собиралась уклоняться, милорд, мы все знаем, что меня можно вызвать с помощью моей темной метки в любое время из любого места".

"А-а-а, верный слуга, но скажи нам, почему ты просто не сказал мне, зачем таиться в темноте?"

"Я не хотела нарушать ваш покой, милорд, вот и все". разумно ответила она.

"Хорошо, - казалось, у него появилась идея, - мы поместим тебя подальше от посторонних магов, пока наш план не осуществится". Затем, лукаво улыбаясь, он продолжил: "Вы будете жить в подземелье до тех пор, пока то, что должно свершиться, не свершится. Мы сохраним твою палочку, чтобы никакие бродячие магии не могли помешать нашему "проекту". Но сначала вы должны понести дисциплинарное наказание за свой серьезный недостаток благоразумия".

Он сделал драматическую паузу и крикнул "Драко!".

Драко Малфой вышел вперед, держа в руках мокрый от капель мешочек из рогожи.

"Пусть все услышат и поймут: этой женщине нельзя причинять вред магией, даже прикасаться к ней. Никто не должен поднимать палочку на Беллатрикс Блэк. Это вызовет мой гнев, вы все поняли?"

Все кивнули головами, не очень понимая, почему, просто им нужно было знать, что слово Лорда Волдеморта - закон.

Драко, казалось, готов был лопнуть от нетерпения, он то и дело поглядывал то на своего хозяина, то на Беллатриксу, то на капающий пакет в своей руке. Получив от Волдеморта кивок согласия, он потянул за кожаную ручку мешка и вытащил кота с девяти хвостами, на которого капал раствор рассола. Промокший мешок с глухим звуком упал на каменный пол.

Волдеморт с шипением приказал привязать её к кресту, и два грузных подхалима бросились

выполнять приказ, грубо поднимая её за руки, пока Тёмный Лорд не добавил: "Но осторожно, осторожно".

Беллатрикс подняла подбородок и сказала: "Не нужно меня связывать, милорд, я сделаю то, что от меня требуется".

Волдеморт приподнял бровь и одобрительно кивнул.

Она отшатнулась от тех, кто всё ещё держал её за руки, и с величайшим достоинством, не выказывая ни малейшего колебания, подошла к восстановленному аппарату, который всего несколько дней назад был мукой для другой будущей матери. Расстегнув халат, она позволила слоям черного шелка сползти вниз, обнажив хорошо сформированную спину и не менее хорошо подтянутые ягодицы. Она вытянула руки и расставила ноги так, что ее тело стало соответствовать большой деревянной букве "X". Беллатрикс склонила голову так, что ее висок уперся в острие двух грубых деревянных балок.

Драко Малфой продел правую руку через ремешок на ручке плети, взялся за рукоятку и слегка встряхнул косички, чтобы отдельные плети разошлись - это позволит плетям охватить большую площадь. В свинцовые концы были вделаны маленькие колючие крючки, предназначенные для отделения кожи от живых костей и мышц.

"Теперь, - подумала она, - я смогу расплатиться за боль и страдания, причиненные мне в моей жалкой жизни".

С маниакальным ликованием Малфой замахнулся кнутом и со всей силы ударил по нему, метаясь в бессильной злобе, в ярости на мир, который постоянно отказывал ему в помощи. Первые три удара были настолько быстрыми, что первоначальные девять порезов не начали кровоточить, пока разочарованный ребёнок с бичом не начал наносить удары слева направо, сверху вниз. Он искусно укладывал колющие концы так, что вскоре ни одна часть спины, ягодиц или открытых рук тети не осталась нетронутой, то есть не порезанной. Боль была мучительной: резать, жечь и рвать живую плоть без передышки и облегчения между ударами.

Всё тело Беллатрикс вздрагивало от каждого удара, руки сжались в кулаки, колени ослабли так, что пришлось опереться на крест для опоры. И тут случилось странное и совершенно неожиданное: в боли она нашла место покою, место небытию. Боль была, но она как будто наблюдала за ней со стороны. Она могла позволить себе небольшое удовлетворение, дав своему садисту-племяннику ту единственную реакцию, которая бы его до крайности раззадорила. Но реакции не последовало.

Кровь струилась по спине, ногам и рукам Беллатрикс, но Драко так и не смог издать ни крика, ни плача, ни даже хныканья. В бессильной ярости он нанес пять быстрых ударов подряд.

"Кричи, чёрт тебя побери!" Драко в ярости обрушил хлыст на голову Беллатрисы, а затем выхватил свою палочку.

"Проклятие замерло на его губах, когда Волдеморт беззвучно вызвал палочку Драко.

"Вижу, ты ещё не научился послушанию, юный Малfoy, придётся ещё раз тебя поучить".

Драко упал на колени и зарыдал, но не от раскаяния в том, что он сделал с тётей, а в предвкушении боли, которую очень скоро придётся испытать самому.

Волдеморт был впечатлён Беллатрикс, несмотря на себя. Если бы только он мог преодолеть назойливое подозрение, что она каким-то образом собирается предать его, ему нужны были бы преданные люди с её стойкостью.

"Джонс, позаботься о ее ранах, нельзя, чтобы в них попала инфекция, а затем проводи ее в новые покои".

Молодой новобранец вышел вперед и начал обрабатывать ее раны. Спина, ягодицы, верхняя часть бедер, шея и руки Беллатрикс представляли собой кровавое месиво из порезов и рубцов; местами кожа полностью сошла, и в свете факела блестела сырая подкожная клетчатка. Алекс Джонс, одна из новых адептов, перешедших на службу к маньяку Темному Лорду, прошла обучение у целителя и накладывала на все открытые участки кожи восстанавливающую мазь.

"Боюсь, миледи, что останутся шрамы". сказала почти медсестра с ноткой грусти.

"Неважно", - ответила она, осторожно накидывая шелковый халат на плечи. "Это полосы, которые я заработала, служа Тёмному Лорду".

Когда был нанесён первый удар, Гарри резко сел в кровати и зашипел от боли. Мариэтта вскочила с кровати и, размахивая палочкой, стала искать источник нападения. Она плотно закрыла глаза и закричала "lumos solaris!". Затем "пох", потом более понятное "lumos". Идея заключалась в том, что нападающий будет ослеплён вспышкой солнечного уровня, и его будет легче остановить.

Гарри почувствовал жало кнута, увидел яркий свет, потом ничего не увидел и не почувствовал, нет, не ничего, а что-то среднее. Между болью и ничем, сознанием и небытием, но он был не один.

"Кто ты?" спросил Гарри.

"Я был Доун". ответила призрачная форма. Он почему-то знал, что она была духом, но не совсем призраком.

"Я..."

"Ты не умер, ты все еще жив. Та, кто избавила меня от мучений, сейчас находится на том же кресте, что и я, но она там по своей воле".

"Кто тот, кто спас тебя?"

"Не спас, я больше не спас, я был избавлен от мучений, и мой сын был спасен от меня".

"Кто?"

"Кто освободил нас? Тот, с кем ты делишь жизнь".

"Я не понимаю, Рассвет".

"Ты создаешь новую жизнь, нового человека, нового ребенка".

"Беллатрикс"

"Это ее имя. Она помогла мне, и теперь я в какой-то мере помогаю ей, а через нее - тебе".

"Как?"

"Позволив ей прийти сюда, в небытие, подальше от своих мучений", - призрак наклонил голову, словно прислушиваясь к чему-то, а затем улыбнулся. "Она вновь обретет себя, как и ты, прощай".

"Подожди, Рассвет, ты говоришь, что она освободила тебя? Когда? Как?"

"Она всегда будет моим ангелом; она освободила меня от боли и мучений".

"Как?"

"Она освободила меня от мучений, в которые превратилась моя жалкая жизнь".